

Людвиг фон Мизес. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война

Людвиг фон Мизес в книге «Всемогущее правительство» критикует политические, социальные и экономические идеологии, определявшие историю Западной Европы и США в течение последних 200 лет. Книга впервые опубликована в 1944 г. Автор подробно анализирует, как в специфических исторических и географических обстоятельствах в Германии эти идеологии (этатизм и национализм) породили стремление к автаркии и завоеванию требующегося для этого «жизненного пространства», став причиной Второй мировой войны, а также как те же самые идеологии помешали другим западноевропейским странам предотвратить надвигающуюся общеевропейскую катастрофу. Мизес первым показал, что нацизм и фашизм представляют собой тоталитарные коллективистские системы, имея гораздо больше общего с коммунизмом, чем с капитализмом свободного рынка. Более того, они являются логическим следствием необузданного этатизма и милитаризма. В пропитанной марксизмом интеллектуальной атмосфере 1940-х годов установленная Мизесом связь фашизма с марксистским социализмом стала настоящим шоком. Последняя глава содержит пророческую критику идеи мирового правительства, включая всемирные торговые соглашения. Особую актуальность для нашего времени представляет объяснение автором природы современного протекционизма как необходимого следствия вмешательства государства в экономику.

Ранее я опубликовал конспекты книг Людвиг фон Мизеса: [Человеческая деятельность. Тракта́т по экономической теории](#), [Либерализм](#), [Теория и история](#).

Людвиг фон Мизес. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. – Челябинск: Социум, 2012. – 472 с.

Купить книгу в издательстве [Социум](#) или в [Ozon](#)

Более 60 лет европейские народы стремились наделить свои правительства все большей властью, расширить сферу государственного сдерживания и принуждения, подчинить государству все виды человеческой деятельности.

Пацифисты не понимали, что обеспечить прочный мир можно лишь устранив основные причины войны. Нужно признать, что пацифисты делали робкие попытки противостоять экономическому национализму. Но они никогда не атаковали его конечную причину — [этатизм](#) (политику государственного регулирования экономики), а потому все их попытки были обречены на провал. Для удовлетворительного решения самой острой проблемы международных отношений требуется не новая организация со своими комитетами, секретарями, спецуполномоченными, отчетами и нормативами, не новые вооруженные силы миротворцев, а радикальный отказ от умонастроений и внутренней политики, порождающих конфликты.

Необходимо отказаться от политического курса, причиняющего ущерб другим народам. Если экономические войны будут продолжаться, никакая международная власть не сможет обеспечить мир. В современную эпоху международного разделения труда свобода торговли является необходимым условием любых дружественных соглашений между народами. А в мире этатизма свобода торговли невозможна. Диктаторы предлагают нам иное решение. Они планируют установить «новый порядок», систему мировой гегемонии одного народа или группы народов, опирающихся на силу победоносных армий.

Немногие привилегированные будут господствовать над огромным большинством «низших» рас. Этот «новый порядок» представляет собой очень старую концепцию. К нему стремились все завоеватели; предшественниками фюрера были Чингисхан и Наполеон.

В истории последних двух столетий прослеживаются два различных идеологических направления. Первым было движение к свободе, укреплению прав человека и гарантиям самоопределения. Индивидуализм привел к падению монархических режимов, установлению демократических правительств, развитию капитализма, технологическому прогрессу и беспрецедентному повышению уровня жизни. Просвещение сменило религиозные суеверия, научные методы исследований вытеснили вековые предрассудки. Это была эпоха грандиозных художественных и научных достижений, время бессмертных музыкантов, художников, писателей и философов. Были уничтожены рабство, крепостное право, пытки и прочие пережитки Средневековья.

Во второй половине этого периода движение к индивидуализму сменилось движением к всемогуществу государства. Теперь людьми овладело стремление наделять всевозможными полномочиями свои правительства, т.е. общественный аппарат социального сдерживания и принуждения. Их целью стал тоталитаризм, т.е. такой порядок, когда всеми делами людей управляет государство.

Экономические соображения толкают любое тоталитарное правительство к мировому господству. Советское правительство было задумано не как национальное, а как мировое правительство, и только неблагоприятные условия отделили установление его власти над всем миром. В официальном названии режима нет даже упоминания о России. Ленин создавал ядро мирового правительства. Во всех странах есть партии, хранящие верность Советам и считающие свои национальные правительства узурпаторами.

Пусть пример Германии станет предостережением для всех. Немецкая Kultur была обречена в тот день 1870 г., когда один из самых видных немецких ученых — Эмиль Дюбуа-Реймон — смог публично похвастаться, не встретив никаких возражений, что Берлинский университет служит «интеллектуальным телохранителем дома Гогенцоллернов». Там, где университеты становятся телохранителями, а ученые жаждут занять свое место на «научном фронте», уже широко распахнуты двери для варварства. Тщетны надежды победить тоталитаризм с помощью тоталитарных методов. Свободу могут завоевать только люди, безоговорочно преданные принципам свободы. Для улучшения общественного устройства прежде всего необходимо вернуть неограниченную свободу мысли и слова.

Часть I. КРАХ ЛИБЕРАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ

Ни один немец ничего не внес в развитие великой системы либеральной мысли, преобразовавшей структуру общества и заменившей власть королей и их фавориток властью народа. Участвовавшие в развитии этих идей философы, экономисты и социологи думали и говорили на английском или французском языках. Но немецкие интеллектуалы с энтузиазмом встречали западные идеи свободы и прав человека. Усвоение западных идей превратило подданных множества мелких княжеств в граждан Германии. Новый дух потряс основания княжеских тронов — традиционную лояльность и покорность подданных, всегда готовых подчиняться деспотическому правлению.

Теперь немцы мечтали о Германии с парламентским правительством и правами человека. Людей интересовала парламентская жизнь Запада. Немецкий народ был единодушен в приверженности идеям Шиллера, идеям либерализма. Только в последние десятилетия XIX в. влияние либеральных идей начало ослабевать. Их затмили доктрины этатизма. Почему же, несмотря на то, что примерно в середине XIX в. немцы, интересовавшиеся политикой, были едины в приверженности либерализму, страна не сумела стряхнуть ярмо абсолютизма и установить демократию и парламентскую форму правления?

Злой рок Германии заключался в том, что прежде чем удалось обеспечить триумф либерализма, либерализм и либеральные идеи оказались низвергнуты — не только в Германии, но и повсюду — другими идеями, которые и на этот раз пришли в Германию с Запада. Немецкий либерализм не успел еще выполнить свою задачу, когда потерпел поражение от этатизма, национализма и социализма.

В то время как прусские прогрессисты вели борьбу за свободу, [Фердинанд Лассаль](#) неистово и ожесточенно воевал против них, проповедуя евангелие классовой войны и подстрекая рабочих отвернуться от прогрессистов. Он говорил, что прогрессисты, эти представители буржуазии, являются смертельными врагами рабочих. Нужно бороться не с государством, а с эксплуататорскими классами. Государство — ваш друг; ну, разумеется, не государство, управляемое господином фон Бисмарком, а государство, во главе которого буду я, Лассаль.

Карьера Лассалья примечательна тем, что впервые на политической сцене Германии идеи социализма и этатизма вступили в борьбу с идеями демократии и свободы. Сам Лассаль не был нацистом; но он был самым видным предшественником нацистов и первым немцем, претендовавшим на роль фюрера.

Поздним вечером 1 сентября 1870 г. король Вильгельм I, окруженный пышной свитой из князей и генералов, смотрел с холма, расположенного к югу от реки Маас, на разворачивающуюся битву, когда курьер доставил донесение с сообщением, что капитуляция Наполеона III и всей его армии неминуема. Тут Мольтке повернулся к графу Фалькенбергу, который, как и он, был членом парламента Северной Германии, и произнес: «Отлично, коллега, случившееся сегодня надолго решает нашу военную проблему». А Бисмарк сказал: «Этот день защитит и укрепит немецких князей и принципы консерватизма». Это первое, что пришло в голову двум наиболее могущественным государственным деятелям Пруссии в час великой победы. Они торжествовали, потому что победили либерализм.

Их не волновали лозунги официальной пропаганды: «разгром потомственного врага», «защита государственных границ», «историческая миссия дома Гогенцоллернов и Пруссии», «объединение Германии», «Германия превыше всего». Князя победили свой народ; только это было для них важно (подробнее см. [Николай Власов. Гельмут фон Мольтке — полководец индустриальной эпохи](#)).

Главная политическая проблема 1850-х — начала 1860-х годов была решена. Все немецкие солдаты теперь были безоговорочно преданы Верховному главнокомандующему. Армия стала надежным инструментом, которому кайзер мог доверять. Вильгельм II прямо говорил рекрутам, что их долг — по приказу стрелять в своих отцов, матерей, братьев или сестер. Общественное мнение признало претензии генерального штаба на непогрешимость, и критики смолкли.

В современном государстве наследственная монархия может удовлетворительно работать только в условиях парламентской демократии. Абсолютизм требует от правителя качеств, которые не встречаются ни в одном смертном. Вильгельм II потерпел фиаско так же, как Николай II, а еще раньше Бурбоны. Абсолютизм не был отменен; он просто рухнул.

В соответствии с доктриной милитаризма начальник генерального штаба рассматривал себя как первого слугу императора и короля и требовал от канцлера послушания. Эти претензии уже становились причиной конфликта между Бисмарком и Мольтке. В ходе Первой мировой войны Верховный главнокомандующий стал всемогущим. Такая эволюция ясно демонстрирует непрактичность наследственного абсолютизма. Монархический абсолютизм ведет к возвышению мажордома, сёгуна или дуче.

Либералы не очень опасались социализма. Верно, социалисты достигли определенного успеха. Но можно было рассчитывать, что сознательные рабочие вскоре поймут, что социалистическая утопия неосуществима. Зачем думать, что рабочие, уровень жизни которых растет день ото дня, поддадутся на уловки демагогов. Только со временем либералы осознали, что в умонастроении народа происходят необратимые изменения. Для них каждый сторонник новой идеологии был либо обманутым, либо ренегатом. Но число отступников росло. Приток молодежи к либералам иссяк. Либералы вымирали. Новое поколение даже не понимало смысла этого слова.

Во всем мире сокрушительная победа немецкого милитаризма истолковывается в соответствии с пропагандистскими легендами немецких социал-демократов. Социалисты утверждают, что немецкая

буржуазия отступила от принципов свободы и, таким образом, предала «народ». На базе марксистского исторического материализма были разработаны абсурдные теории происхождения и развития империализма. Капитализм, говорят они, неизбежно ведет к милитаризму, империализму, кровавым войнам, фашизму и нацизму. Финансовые круги и крупные капиталисты завели цивилизацию на край гибели; на марксизме лежит задача спасения человечества. Подобные объяснения ничего не дают, а лишь затемняют ситуацию.

Часть II. НАЦИОНАЛИЗМ

Самым важным событием в истории последнего столетия было вытеснение либерализма этатизмом. Как и либерализм, этатизм появился в Западной Европе и только позднее пришел в Германию. Этатизм возлагает на государство задачу руководства гражданами и заботы о них. Он нацелен на ограничение личной свободы действий. Он стремится определять судьбу индивидуума, наделив всей полнотой инициативы исключительно государство. Его основы заложили Сен-Симон, Оуэн, Фурье, Пеккёр, Сисмонди, Огюст Конт. С середины 1860-х годов престиж либерализма начал таять.

По своей сущности государство является аппаратом сдерживания и принуждения. Полная совокупность правил, в соответствии с которыми власти предерживающие осуществляют сдерживание и принуждение, именуется правом. Государство, руководители которого признают только одно правило: делать то, что им кажется соответствующим требованиям момента, — это государство без права. Этатистская мифология и метафизика окутали эти концепции мистикой. Государство — это человеческий институт, а не некое высшее существо. Тот, кто говорит «государство», подразумевает сдерживание и принуждение.

Обожествление государства — это обожествление силы. Самой большой опасностью для цивилизации является правление некомпетентных, коррумпированных или подлых людей. Из всех бед, испытанных человечеством, самые большие были причинены дурными правительствами. Государство может стать, как это часто бывало в истории, главным источником бед и несчастий. Тезис этатизма о том, что члены правительства и их помощники умнее, чем народ, и что они лучше, чем сам человек, знают, что будет для него благом, — чистый вздор.

В демократии также нет ничего божественного. То, что большинство считает какой-то факт верным, не доказывает его истинности. Если большинство считает какую-либо политику целесообразной, это еще не доказывает ее целесообразности. Люди, составляющие большинство, не боги, и их совместное решение не всегда божественно. Либерализм не настолько глуп, чтобы стремиться к устранению государства. Либералы полностью отдают себе отчет в том, что без определенного минимума сдерживания и принуждения невозможно ни общественное сотрудничество, ни цивилизация.

Главным в учении либерализма является утверждение о том, что общественное сотрудничество и разделение труда возможны только в системе частной собственности на средства производства, т.е. только в условиях рыночной экономики, или капитализма. Все остальные принципы либерализма — демократия, личная свобода, свобода слова и печати, религиозная терпимость и мир между народами — вытекают из этого главного постулата. Они возможны только в обществе, базирующемся на частной собственности.

Фокусом экономической системы, основанной на частной собственности на средства производства, является рынок. В этом непрестанно крутящемся механизме капиталисты и предприниматели являются слугами потребителей. Потребители — господа, капризы которых диктуют предпринимателям и капиталистам направление инвестиций и методы производства. Аппарат сдерживания и принуждения и его рулевой, правительство, находятся вне рынка.

Демократия представляет собой систему, обеспечивающую мирную смену правительства в соответствии с волей большинства. Когда люди, работающие в правительстве, и их методы больше не устраивают большинство народа, их уберут — на ближайших же выборах — и заменят другими людьми, которые будут использовать другие методы.

В капиталистическом обществе предприниматель зависит от рынка и потребителей. На управляющих социалистической экономикой не давит необходимость приспособляться к действиям рынка. Они обладают абсолютной монополией. Они не зависят от желаний потребителей. Они сами решают, что следует делать. В отличие от коммерсантов, они не состоят на службе у потребителей. Они их

обеспечивают подобно тому, как отец обеспечивает своих детей. Социализм неизбежно ведет к исчезновению демократии. Каждый шаг, ведущий от капитализма к планированию, по необходимости является шагом в направлении абсолютизма и диктатуры.

Основной проблемой социализма является проблема экономического расчета. В условиях системы разделения труда и, соответственно, общественного сотрудничества производство нуждается в методах расчета издержек, потому что всегда можно представить разные пути достижения поставленных целей. В капиталистическом обществе экономические расчеты осуществляются на основе рыночных цен. Но в системе, где все факторы производства принадлежат государству, рынка нет, а значит, на них не существует цен. Поэтому в социалистическом обществе управляющие не способны ничего рассчитать. Они не могут знать, разумно или нет то, что они планируют и к чему стремятся. В их распоряжении нет способов определить, какой из рассматриваемых методов производства наиболее предпочтителен (подробнее см. [Хесус Уэрта Де Сото. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция](#)).

В общемировом масштабе социализм как способ производства невозможен. Перед русскими большевиками и немецкими нацистами, пытающимися воплотить социалистическую программу в реальность, проблема экономических расчетов при социализме не стоит. Эти две социалистические системы работают в мире, значительная часть которого до сих пор привержена рыночной экономике. Правительства этих двух социалистических стран основывают свои расчеты, служащие им ориентиром для принятия решений, на ценах, существующих за рубежом.

До нашего времени в основе всех цивилизаций лежала частная собственность на средства производства. Если бы история могла нас чему-нибудь научить, то главный урок заключался бы в том, что цивилизация неразрывно связана с частной собственностью. Правительства всегда относятся к частной собственности с подозрением. Они никогда не бывают настроены либерально. В природе людей, управляющих аппаратом сдерживания и принуждения, преувеличивать возможности этого аппарата и пытаться подчинить его непосредственному влиянию все сферы человеческой жизни. Этатизм — профессиональное заболевание правителей, завоевателей и государственных служащих.

Правительства становятся либеральными только под давлением граждан. Правительства незапамятных времен были склонны вмешиваться в работу рыночного механизма. Их усилия никогда не приводили к задуманным результатам. Обычно люди приписывали эти неудачи неэффективности примененных мер и мягкотелости исполнителей, считая, что если взяться за дело энергичнее и проявить побольше жестокости, тогда успех будет гарантирован. Только в XVIII столетии люди начали догадываться, что интервенционизм всегда обречен на провал.

Государственное вмешательство всякий раз пробуждает рыночные силы, стремящиеся восстановить нарушенное естественное положение дел. Вместо достижения поставленных целей правительственные указы лишь вносят беспорядок в работу рынка и ставят под угрозу интересы потребителей.

Все современные правительства практикуют политику интервенционизма. Самые яркие примеры интервенционистской политики мы находим в Sozialpolitik императорской Германии и в политике Нового курса в современной Америке. Этатизм принят на вооружение правительствами разных стран. Их забота — делать все, что, по их мнению, служит благу их собственного народа. Их не интересует судьба или счастье иностранцев. Поэтому этатизм и свобода международной торговли несовместимы. Протекционизм с его тенденцией сделать каждую страну в максимально возможной степени экономически самодостаточной, неотделим от интервенционизма.

Интервенционизм вызывает к жизни экономический национализм, разжигая антагонизмы, ведущие к войне. Избавиться от экономического национализма не удастся до тех пор, пока не прекратится вмешательство государства в экономику. Свобода международной торговли предполагает свободу внутренней торговли. Это принципиально важно для понимания современных международных отношений.

Современный монополизм не является следствием свободных рынков и естественной эволюции капитализма, как пытаются внушить нам марксисты. Напротив, это результат государственной политики, преследующей цель реформировать рыночную экономику. Международное разделение труда является более эффективной системой производства, чем экономическая автаркия каждой

страны. То же самое количество труда и материальных факторов производства дает больше продукции, которая приносит пользу всем участникам. Протекционизм и автаркия всегда приводят к перемещению производства из мест, характеризующихся более благоприятными условиями, в места с менее благоприятными условиями. Более производительные ресурсы остаются неиспользованными, а менее производительные — вовлекаются в производство. В результате происходит общее уменьшение продуктивности человеческих усилий, а значит, и понижение уровня жизни во всем мире (см. также [Почему странам с низкой производительностью тоже находится место в мировом разделении труда?](#)).

Эти соображения питают агрессивный немецкий национализм. Более 60 лет немецкие националисты рисовали картины того, какие последствия для Германии будет иметь протекционистская политика других стран. Германия, указывали они, не может жить без импорта сырья и продовольствия. Чем она сможет оплатить этот импорт, если в один прекрасный день страны, поставляющие им эти материалы, преуспеют в создании собственной промышленности и откажутся от германского экспорта? Есть, говорили они себе, только один выход: мы должны завоевать место для жизни. Германия стремится к автаркии не из-за желания воевать. Она стремится к войне, потому что жаждет автаркии, потому что она хочет жить в условиях экономической самодостаточности.

Главным мотивом установления пошлин на промышленные товары была Sozialpolitik. Прорабочая политика привела к росту производственных издержек и сделала необходимым защитить ее краткосрочные результаты. Внутренние цены пришлось поднять выше мирового уровня, чтобы избежать дилеммы: либо понижение денежной заработной платы, либо сокращение экспорта и рост безработицы. Каждое очередное достижение Sozialpolitik и каждая успешная забастовка вносили беспорядок и ухудшали положение немецких предприятий, терявших способность соперничать с иностранными конкурентами на внешнем и внутреннем рынках. Знаменитая Sozialpolitik была возможна только под прикрытием покровительственных тарифов.

В течение 30 лет, предшествовавших Первой мировой войне, Германия сумела затмить все другие европейские страны своей прорабочей политикой, только потому что пошла по пути протекционизма

Этатизм и национализм

В соответствии с принципом национальности каждая языковая группа должна создавать собственное независимое государство, и эти государства должны включать всех людей, говорящих на этом языке. Этатизм — в виде интервенционизма или социализма — неизбежно ведет к конфликтам, войнам и тоталитарному угнетению больших групп населения. В условиях этатизма правильным и настоящим государством считается такое, в котором главенство принадлежит мне и моим друзьям, говорящим на моем языке и разделяющим мои мнения.

Лучшим примером политических последствий агрессивного национализма служит положение дел в Восточной Европе. Если опросить представителей языковых групп о справедливых границах их национального государства и нанести эти границы на карту, вы обнаружите, что на значительную часть территории претендуют минимум по две нации, а нередко и по три и даже больше. Каждая языковая группа защищает свои претензии с помощью языковых, расовых, исторических, географических, стратегических, экономических, социальных и религиозных аргументов. Даже из соображений целесообразности ни одна нация не поступится наименьшим из своих притязаний. Каждая готова отстаивать свои притязания силой оружия. Не удивительно поэтому, что каждая языковая группа воспринимает своих непосредственных соседей как злейших врагов и полагается на то, что соседи их соседей силой оружия помогут отстоять территориальные претензии к общему врагу.

Возьмите, например, случай украинцев. Сотни лет они находились под гнетом русских и поляков. В наши дни украинцы не имеют собственного государства. Можно было бы предположить, что представители народа, столько натерпевшегося от иностранных угнетателей, будут сдержанны в своих притязаниях. Но националисты не в силах поступиться ничем. Поэтому украинцы претендуют на территорию площадью более 360 000 кв. миль с населением около 60 млн человек, из которых, даже по их собственным словам, украинцев «не более сорока миллионов». Угнетенным украинцам недостаточно собственного освобождения; они хотят притеснить 20 или более миллионов неукраинцев.

В 1918 г. для чехов создания собственного независимого государства оказалось мало. Они включили в состав своего государства территории, на которых проживали миллионы немецкоязычных людей, всех словаков, десятки тысяч венгров, украинцев из Закарпатья и — для удобства железнодорожного сообщения — некоторые районы Нижней Австрии. А какой спектакль устроила Польская республика, за 21 год своей независимости попытавшаяся отхватить куски территории у соседей — России, Литвы и Чехословакии!

Главной предпосылкой промышленных изменений было накопление капитала. Страны Западной Европы создали политические и институциональные условия для охраны сбережений и инвестиций широких масс населения и, таким образом, обеспечили предпринимателей необходимым капиталом. Простое знакомство с западными методами производства, транспортировки и маркетинга ничем не смогло бы помочь отсталым народам. Они не располагали капиталом, требующимся для освоения всего этого. Западную технику имитировать не трудно. Но было почти невозможно трансплантировать умонастроения и идеологии, создавшие социальную, правовую, конституционную и политическую атмосферу, давшую жизнь этому современному технологическому прогрессу.

Легче скопировать современный завод, чем окружающую обстановку, способствующую накоплению капиталов внутри страны. Новую промышленную систему породил новый дух либерализма и капитализма. Она стала следствием умонастроения, для которого удовлетворение нужд потребителей было важнее, чем войны, завоевания и сохранение древних обычаев. Главной отличительной особенностью развитого Запада была не техника, а моральная атмосфера, поощрявшая бережливость, образование капитала, предпринимательство, бизнес и мирную конкуренцию.

У Востока не было никаких надежд восполнить упущенные возможности и догнать Запад. Но история пошла иным путем. Возникло новое явление — интернационализация рынка капитала. Развитый Запад обеспечил все части мира капиталом, необходимым для новых инвестиций.

При старом порядке монархи страстно стремились к расширению своих владений. Они создавали армии. Граждане питали отвращение к войнам, от которых терпели всяческий ущерб, в том числе в виде налогов. Но результат кампаний их не интересовал. Им было более или менее безразлично, будет ли ими править Габсбург или Бурбон. Старые либералы были правы, когда говорили, что ни один гражданин либеральной и демократической страны ничего не выигрывает от победоносной войны.

Но в наше время, время миграционных и торговых барьеров, все по-другому. Этатизм неизбежно ведет к войне везде, где неимущие верят в возможность победы. В нашу эпоху торжества этатизма положение дел таково, что немцы, итальянцы и японцы могли ожидать выгод от победоносной войны. Японию втянула в безжалостную войну не каста воинов, а соображения политики заработной платы, не отличающейся от политики профсоюзов. Австралийские профсоюзы изо всех сил пытаются закрыть свои порты для иммигрантов, чтобы поднять ставки заработной платы Австралии. Японские рабочие хотят открыть австралийские порты, чтобы поднять заработную плату рабочих своей расы. В эпоху этатизма пацифизм обречен.

Марксистские доктринеры сознательно закрывают глаза на неравенство, создаваемое неравномерностью распределения природных богатств. Но ведь это неравенство и является главной проблемой международных отношений. Будь это не так, тевтонские, а потом монгольские племена не стали бы вторгаться в Европу. Они довольствовались бы огромными пустыми пространствами тундры или северной тайги. Без учета неравенства природных ресурсов и климата мы будем видеть не мотивы войны, а, скажем, только дьявольские заговоры, зловещие махинации капиталистов в марксистском варианте или, как говорят нацисты, интриги мирового еврейства.

Часть III. НЕМЕЦКИЙ НАЦИЗМ

В конце 1870-х — начале 1880-х немецкие националисты обнаружили, что их страна самая сильная в Европе. На основе этого был сделан вывод, что Германия достаточно сильна, чтобы подчинить себе Европу, а быть может, и весь мир. Пангерманизм был творением интеллектуалов и писателей. Его непоколебимыми сторонниками были профессора истории, права, экономики, политологии, географии и философии. Они приобщали к своим идеям студентов университетов.

Распространенная теория о том, что инициаторами немецкого национализма были юнкеры и офицеры, крупные промышленники и финансисты, а также средние классы, противоречит фактам. Вначале все эти группы сильно противились притязаниям пангерманизма. Но сопротивление было безнадежным. К концу столетия Германия почти единодушно стояла за пангерманизм. У подрастающего поколения не было защиты от влияния новых идей. Национализму учили в школах. Только либерализм мог бы противостоять пангерманизму. Но в Германии к тому времени либералов уже не осталось.

Немецкий национализм отличался от своих европейских аналогов только верой в то, что немцы — самый сильный народ в Европе. Пангерманизм и продолживший его дело нацизм представляют собой особый случай лишь в том отношении, что это национализм самой многонаселенной и сильной страны, которая не желает смириться с тем, что зависит от импорта сырья и продовольствия.

Немцы не изобрели ни интервенционизм, ни этатизм, неизбежно приводящие к национализму. Они ввезли эти доктрины из-за рубежа. Даже басню об арийцах, это самое заметное украшение немецкого шовинизма, изобрели не они.

Рынок — это демократия. Капитализм — это торжество самоопределения потребителей. М-р Форд богаче м-ра Х, потому что лучше умеет угодить потребителям. Но в случае с территориальным суверенитетом все иначе. Здесь до сих пор имеет значение тот факт, что в далеком прошлом монгольское племя заняло Тибет. Если однажды в Тибете обнаружат ценные ресурсы, способные изменить к лучшему жизнь каждого человека на Земле, то возможность использовать это сокровище на благо мира будет зависеть от решения далай-ламы. Он верховный владыка этой страны; его суверенное право, установленное тысячи лет назад в результате кровавого завоевания, до сих пор остается высшим и исключительным. И столь неудовлетворительное положение может быть изменено только путем применения силы, войны. Поэтому война неизбежна. Пока люди не обратятся к принципам либерализма, война останется единственным средством разрешения подобных конфликтов.

Полилогизм

До середины XIX в. никто не пытался оспорить тот факт, что логическая структура сознания неизменна и едина для всех людей. Маркс и марксисты учили, что мышление определяется классовым положением мыслителя. И мышление порождает не истину, а «идеологии».

Поэтому обсуждать что-либо с людьми из другого социального класса бесполезно. Нет нужды опровергать идеологии с помощью логики и рассуждений; они должны быть разоблачены указанием на классовые позиции и социальное происхождение их автора. Поэтому марксисты не обсуждают достоинств физических теорий; они ограничиваются разоблачением «буржуазного» происхождения физиков.

Марксисты обратились к полилогизму, потому что не могли логическими методами опровергнуть теории «буржуазных» экономистов и выводы из этих теорий, свидетельствовавшие о неосуществимости социализма. Будучи не в силах рациональными методами доказать обоснованность своих идей или необоснованность идей противников, они отвергли общепризнанные методы логики. Эта уловка имела беспрецедентный успех. Она обеспечила всем марксистским экономическим и социологическим «теориям» неуязвимость для рациональной критики.

Этатизм смог подчинить себе умы современных людей только с помощью логических уловок полилогизма. Немецким националистам пришлось столкнуться с той же проблемой, что и марксистам. Они также были не в состоянии ни доказать истинность своих утверждений, ни опровергнуть экономические и [праксиологические](#) теории. Поэтому они были вынуждены укрыться под крышей полилогизма.

У них был свой вариант полилогизма. У разных наций и рас, говорят они, своя структура разума. Истинными, правильными и вечными можно считать только логику и науку арийцев. В глазах марксистов Рикардо, Фрейд, Бергсон и Эйнштейн заблуждаются, потому что буржуазны, а в глазах нацистов — потому что евреи. Марксисты и нацисты знают лишь две категории неприятелей. Чужаки — представители непролетарских классов или неарийской расы — заблуждаются, потому что они чужаки; оппоненты пролетарского или арийского происхождения заблуждаются, потому что они

предатели. Таким способом удастся легко отделаться от неприятных фактов несогласия среди членов собственного, как они говорят, класса или расы.

Полилогизм — не философия и не эпистемологическая теория. Это всего лишь позиция узколобых фанатиков, неспособных вообразить, что кто-то может быть умнее или разумнее, чем они. Полилогизм не научен. Скорее, это подмена разума и науки предрассудками.

Социал-демократы в императорской Германии

Одним из парадоксов императорской Германии было то, что социал-демократические рабочие имели обыкновение быть дерзкими в публичных выступлениях, но в глубине души хранили полнейшую лояльность, тогда как верхушка среднего класса, а также врачи, юристы и др., публично заявлявшие о пламенной преданности королю и отечеству, были недовольны. Одной из главных причин их озабоченности было отношение к армии. Марксистские легенды исказили все стороны немецкой жизни, в том числе и эту.

Нацизм хочет бороться с еврейским умом. Но он не сумел определить его характерные черты. Еврейский ум — это такой же миф, как и еврейская раса. Первые немецкие националисты пытались противопоставить еврейскому уму «христианско-тевтонское» мировоззрение. Однако сочетание христианства с теутономским духом абсурдно. Никакие трюки не могут оправдать немецкие претензии на предпочтительное положение в христианстве. В Евангелии упоминания о немцах отсутствуют. В нем все люди равны перед Богом.

На самом деле, обвиняя еврейский ум в интернационализме, нацисты имели в виду либеральную теорию свободы торговли и взаимных выгод международного разделения труда. Нацисты именуют еврейским деловой склад ума. Тацит сообщает, что в его время германские племена полагали, что потом добывать то, что может быть приобретено кровью, — леность и малодушие. Сегодня это главный нравственный принцип нацистов. Они презирают людей и народы, стремящиеся к выгоде за счет оказания услуг другим людям; в их глазах самый доблестный способ добывания средств к существованию — это грабеж.

В 1918 г. немцы, будь у них выбор, выбрали бы демократию. Но события повернулись так, что им пришлось выбирать между двумя диктатурами: националистов и коммунистов. Не было третьей политической силы, готовой поддержать капитализм и его политическое следствие — демократию.

Гогенцоллерны лишились трона, потому что отвергли британский парламентаризм. Веймарская республика пала, потому что отвергла республиканские принципы, воплотившиеся во Франции в Третьей республике в период 1875–1930 гг. У Веймарской республики не было своего политического направления, кроме как лавировать между двумя лагерями, стремившимися к диктатуре.

Единственной альтернативой национализму была неограниченная свобода торговли. Это направление никем в Германии даже не рассматривалось. Пришлось бы отказаться от всех мер Sozialpolitik, от государственного регулирования и давления профсоюзов. Все партии, считавшие себя противниками радикального национализма, — социал-демократы и их сателлиты, а также коммунисты, партия центра и некоторые крестьянские группы, напротив, были яростными приверженцами этатизма и гиперпротекционизма. Они были слишком зашорены, чтобы увидеть, что такая политика ставит Германию перед чудовищной проблемой автаркии. Они просто закрывали на это глаза.

Не стоит переоценивать интеллектуальный уровень немецких масс. Но им хватало пронизательности, чтобы видеть, что главной проблемой Германии является автаркия и что способ ее решения (пусть ложный) предлагают только националистические партии. И если все прочие партии избегали обсуждения этой опасности, националисты предлагали какое-то решение. А поскольку немцам был предложен только план завоевания мирового господства, они его и приняли. Никто не сказал им, что есть и другой путь.

Тот, кто желает сохранить мир, должен бороться с этатизмом. Но левые поддерживали этатизм с меньшим энтузиазмом, чем правые. Весь немецкий народ поддерживал политику государственного вмешательства в экономику. Нацисты победили, потому что им не противостояла партия сторонников [laissez faire](#), т.е. рыночной экономики.

В первый период своей карьеры Гитлер получал субсидии от большого бизнеса. Во второй период своей борьбы за власть он вымогал у них гораздо большие суммы. Тиссен и остальные платили ему, но то были не взятки. Гитлер принимал их деньги, как король принимает дань от своих подданных. Если бы они отказали ему в деньгах, он организовал бы саботаж на их заводах или попросту убил. Но в таких радикальных мерах не было нужды. Предприниматели предпочитали стать простыми менеджерами на своих предприятиях при нацистах, чем быть ликвидированными при коммунизме на русский лад. Никакого третьего пути в тогдашней Германии у них не было. Сила и деньги бессильны перед идеями. Нацисты покорили Германию не благодаря нескольким миллионам рейхсмарок от большого бизнеса или безжалостной отваге своих штурмовых отрядов.

Большие идеологические перемены вряд ли можно объяснить тем, что кто-то вложил в это дело деньги. Что бы ни стояло за популярностью коммунизма в современной Америке, но это не щедрые дотации русского правительства и не тот факт, что какие-то миллионеры субсидируют левые газеты и журналы.

Начиная с 1929 г. Германия страдала от глубокой депрессии, но не сильнее, чем другие страны. Депрессия должна бы была привести к снижению ставок заработной платы. Но поскольку профсоюзы этого допустить не могли, выросла безработица. Великая депрессия была международной. Но только в Германии она привела к победе партии, которая в качестве панацеи предлагала политику перевооружения и войны.

Ложные нацистские доктрины не выдерживают критики с позиции здоровой экономической теории, которую сегодня пренебрежительно называют ортодоксальной. Но тот, кто сам привержен догмам популярного ныне неомеркантилизма и призывает к установлению правительственного контроля над бизнесом, тот не сможет им ничего противопоставить. Фабианская и кейнсианская «неортодоксальность» привели к вынужденному признанию принципов нацизма.

Ложность концепции «национального характера»

Концепция национального характера представляет собой обобщение черт, свойственных разным людям. Как правило, такое обобщение делают на основе поспешных и непродуманных выводов из недостаточного числа нерепрезентативных наблюдений. Самое распространенное истолкование причин подъема нацизма заключается в ссылке на немецкий национальный характер. Сторонники этой теории просеивают немецкую литературу и исторические хроники в поисках текстов, цитат и деяний, свидетельствующих об агрессивности, жадности и страсти к завоеваниям. Из этих обрывков знаний выводят немецкий национальный характер, а потом на него ссылаются, как на источник нацизма. Очень часто цитаты вырываются из контекста и соответственно полностью искажаются.

В Германии, как и в любой другой стране, были свои певцы агрессии, войны и завоеваний. Но были и другие немцы. Идея национального характера очевидно произвольна. Ее источником является суждение, игнорирующее все неприятные факты, противоречащие заранее принятой точке зрения.

Часть IV. БУДУЩЕЕ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Всякие разговоры о создании мирового правительства, которое предотвращало бы вооруженные конфликты с помощью наднациональных полицейских сил, бессмысленны, если привилегированные группы или нации не захотят отказаться от своих привилегий. А при сохранении привилегии всемирное государство будет лишь господством привилегированных наций над второсортными.

Прошло то время, когда большинство людей, облеченных властью, считали стабильность обменного курса валюты преимуществом. Девальвация национальной валюты стала регулярным средством ограничения импорта и конфискации иностранного капитала. Это один из методов экономического национализма.